

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЭКСТРАСЕНС

ИРИНА КАЛЮЖНОВА

**ЮГО-ЗАПАДНЫЙ
ВАРИАНТ**

К Алексею Тимофеевичу — психоэнергетику и белому колдуну, приходит Александр, сын фальшивомонетчика, которого в своё время долго и безуспешно искала вся советская милиция. Он приехал из-за границы, чтобы найти клад, который когда-то оставил в городе его отец. Чтобы найти клад, нужно распознать сложный шифр, части которого оставлены разным людям. Алексей Тимофеевич берётся найти клад.

В ходе расследования Александр много узнаёт о своей родине, которую покинул в детстве, принимает участие во многих событиях и находит свою любовь. А клад тоже нашёлся. Разгадка шифра оказалась простой и совсем неожиданной.

Ирина Калюжнова

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ВАРИАНТ

«Золото — это совершенство. Тот, кто владеет им, может совершить всё, что пожелает, он способен даже вводить человеческие души в рай».

Христофор Колумб.
Из письма испанскому
королю Фердинанду и
королеве Изабелле

ГЛАВА 1

Алексей Тимофеевич, директор психологического центра «Здесь и сейчас», издатель и главный редактор еженедельной газеты «Магическая правда» пасмурным осенним утром, ровно в десять часов утра приехал на работу в свой офис, хотя на сегодняшнее утро никто записан не был. Но это ровно ничего не значило. Он всё равно обычно приходил в офис ровно в десять за редкими

исключениями. Запись он осуществлял сам, давая в объявлении телефон офиса и свой мобильный. Он давно обратил внимание, что желание встретиться с психоэнергетиком и белым колдуном обычно охватывает людей под вечер. Таким образом, большинство звонков поступали в вечернее время на мобильный, но иногда звонили и в офис. В последнее время он всё собирался завести секретаршу, но так и не собрался. Несмотря на то, что у Алексея Тимофеевича не было расписано всё рабочее время, и даже случались совершенно пустые дни, психологический центр «Здесь и сейчас» можно сказать процветал. Конечно, определённую роль здесь играло умелое позиционирование на рынке. Минимум прямой раздражающей рекламы и максимум косвенной сделали своё дело. Слухом полнилась земля. Адрес и телефон психологического центра «Здесь и сейчас» записывали парикмахеры для клиентов, которые делились своими проблемами. Телефоны центра заговорщически шептали женские врачи и авторитетно сообщали косметологи. А о директоре центра Алексее Тимофеевиче говорили везде, где тусовались представители мелкого и среднего бизнеса. Конечно никто не утверждал, что обязан своими успехами психоэнергетику, но многие признавались, что что-то такое в этом есть и этого было вполне достаточно для того, чтобы

заинтересовать услугами центра многих. Часто люди скрывали свой интерес к психоэнергетическим практикам за иронией, но интерес от этого не ослабевал. Потому что многим психоэнергетика действительно помогала. Так что, хотя на сегодня никто и не был записан, клиенты вполне могли появиться.

Алексей Тимофеевич часто думал, что никто бы в должной мере не оценил его талантов, если бы в своё время он не сумел помочь бывшему уголовному авторитету Птице, а ныне вполне уважаемому предпринимателю Егорову, который, в последствии, вложил деньги в психологический центр «Здесь и сейчас», и создал возможности для его раскрутки. Через бухгалтерию психологического центра «Здесь и сейчас» шла обналочка денег и другие операции, выгодные Егорову. Бухгалтерией занималась жена Алексея Тимофеевича Лёля. Именно с её визита к нему, когда он ещё вёл приём в своей квартире началась вся история его взаимоотношений с Егоровым. Тогда ему помогла Эльвира Степановна, которая стала теперь соучредителем центра.

Недавно они начали выпускать газету «Магическая правда». Эту газету Егоров наотрез отказался финансировать. А они с Эльвирой Степановной считали, что без своего печатного органа их психологический центр «Здесь и сейчас»

очень проигрывает. Тогда ему помог случай, вернее клиентка, которая оставила ему в качестве платы серьги с так называемыми скифскими изумрудами. Денег вырученных за серьги хватило на первоначальные затраты. Дальнейшее показало, что Егоров совершенно напрасно опасался, что данный проект окажется провальным. «Магическая правда», хотя и не сразу, но начала давать прибыль. С другой стороны эта прибыль не шла ни в какое сравнение с прибылью, которые давали Егорову другие вложения. Так что если смотреть чисто коммерчески, то Егоров рассуждал правильно. Но с другой стороны психологический центр должен развиваться, а для этого нужна газета. Так что с точки зрения психологического центра газета оказалась предприятием сверх прибыльным. Правда распространялась она в основном в пределах города и области, небольшая партия попадала в столицу. Но Алексей Тимофеевич считал, то «Магическая правда» вполне заслуживает международного уровня. Но для этого опять таки нужны вложения. Но это проблема будущего. Едва остановив машину, Алексей Тимофеевич убедился, что не зря приехал в офис с самого утра. Перед закрытыми дверями стоял мужчина, который явно ждал открытия офиса. И так первый сегодняшний клиент уже ждёт. Этот клиент мужчина, что вообще то считается хорошей приметой.

Мужчина стоял возле двери, оглядывая утреннюю улицу, очевидно, не раздражаясь вынужденным ожиданием и не скучая. Алексей Тимофеевич с первого взгляда определил в клиенте человека, которому интересно всё — утренняя улица, собирающийся начаться дождь, дворники, уличные собаки и конечно же психологический центр «Здесь и сейчас».

— Вы ждёте меня?

Спросил Алексей Тимофеевич, хотя и не сомневался в этом.

— Если Вы Алексей Тимофеевич, то Вас.

Новый клиент приветливо улыбнулся. Алексей Тимофеевич открыл дверь офиса своим ключом и пригласил клиента.

— Заходите.

Они зашли в небольшую прихожую, оклеенную светлыми обоями. Всю обстановку приёмной составляли драцена в кадке и два мягких кресла. Алексей Тимофеевич как всегда подумал, что здесь очень хорошо смотрелась бы секретарша за маленьким столиком. Нет, секретарша всё-таки нужна, неудобно заставлять клиентов ждать на улице. Алексей Тимофеевич в который раз обещал себе обдумать этот вопрос, но сейчас же выбросил эти мысли из головы. Сейчас нужно сосредоточиться на работе.

Те, кто приходит в такое время, особенно,

если это мужчины, обычно были люди серьёзные. Алексей Тимофеевич отпер дверь своего кабинета и пропустил клиента вперёд. Кабинет Алексей Тимофеевич обставил, так, чтобы ничего не раздражало клиента любого уровня. На столе стоял магический шар из настоящего горного хрусталя, со стены из строгой рамки смотрел всевидящий глаз. Эту картину Алексей Тимофеевич считал своего рода талисманом. Глаз нарисовал знакомый художник, а раскрасил его Алексей Тимофеевич собственноручно... Цветные свечи, карты, синергетический маятник и прочая атрибутика были спрятаны в шкаф. Всё это Алексей Тимофеевич доставал в зависимости от уровня клиента. Этому клиенту, скорее всего, ничего такого не понадобится. Алексей Тимофеевич жестом пригласил клиента садиться и сам сел за стол напротив него. Некоторое время они сидели молча как бы оценивая друг друга.

Клиенту было что-то между тридцатью и сорока, ближе, пожалуй, к сорока. В его внешности Алексей Тимофеевич уловил сочетание житейской умудрённости, острого ума и какой-то детской восторженности. Ясно, что проблема у него нестандартная, и потребует больших усилий. Судя по его виду, клиент не был простаком и никуда не вляпался. Перед ним стояла какая-то конкретная и нестандартная цель. Лицо клиента представляло

собой смесь восторженной наивности, и житейской смекалки. Первую уязвимую часть его души, прекрасно контролировала вторая — спокойная, расчётливая и даже слегка циничная. Нет, этот человек не влип и отнюдь не растерян. Он ждёт не успокоения, а какого-то конкретного действия. Он пришёл посмотреть, стоит ли с ним Алексеем Тимофеевичем, директором психологического центра «Здесь и сейчас» иметь дело. Клиент смотрел на психоэнергетика и белого колдуна спокойно и внимательно, что не так уж часто встречается. Многие из тех, кто приходил сюда, были в отчаянии и пытались прикрыться иронией. Этот клиент в отчаянии не был, и рисоваться не пытался. Вообще он не был похож на клиента психологического центра, хотя, может быть, у Алексея Тимофеевича за годы работы сформировался определённый стереотип. Одет посетитель добротно и дорого. Все вещи на нём были иностранного производства из дорогих магазинов. Глаза у клиента серые, самого простецкого, серого цвета. Он слегка щурился, что придавало ему сосредоточенный вид. Клиент сидел в классической позе мастера, которому сейчас нечего делать. Широкие, похожие на лопаты руки лежали на коленях дорогих брюк, как бы прикрывая заплата, наследственные руки работника. Что ж, прежде Вего, нужно узнать действенность рекламы.

— Как Вы узнали обо мне, — спросил Алексей Тимофеевич, прерывая молчание.

Клиент понимающе улыбнулся.

— Мне один человек рассказал о Вас, в поезде. Вы ему долг помогли получить быстро и без скандала.

Голос у клиента мягкий и приятного тембра, говорил он чисто и даже по простецки. Но в его интонациях чувствовался какой-то неуловимый акцент. Он видимо привык, что все обращают внимание на его речь, и посчитал нужным пояснить.

— Я впервые приехал на родину взрослым. Меня в тринадцать лет отсюда увезли.

— Куда увезли? — спросил Алексей Тимофеевич растерянно.

Через Прибалтику в Финляндию и дальше...

Алексей Тимофеевич понимающе кивнул, хотя пока что ничего не понял, а потом спросил.

— Ну и что Вас ко мне привело?

Ещё не закончив вопроса, он понял, что с этим человеком будет связан всерьёз и надолго.

Клиент выпрямился на стуле и значительно изрёк.

— Моя фамилия Федорчук.

Последовала пауза. Клиент, казалось, был настолько уверен в произведенном впечатлении, что совершенно не заметил, что никакого

впечатления не произвёл, и продолжал скромно, как бы стесняясь незаслуженных и всё же приятных аплодисментов. Спокойно выждав паузу, клиент продолжал.

— Я, разумеется, не сам Игнат Федорчук, он, как известно, погиб в автокатастрофе, я его сын Александр Игнатьевич.

Алексей Тимофеевич попытался вспомнить кто же такой Федорчук, но безуспешно. Фамилия Федорчук ничего не говорила ему. Раньше проще было со всякого рода знаменитостями. Пересчитать их можно было по пальцам, и они не исчезали с экранов телевизоров, газетных и журнальных страниц. А сейчас их столько развелось, и каждый считает себя узнаваемым. Кем он может быть этот Федорчук? На артиста не похож, слишком самобытен, на политика тоже, слишком симпатичный. Впрочем, он же сказал, что он не сам Федорчук, а его сын. Ну да бог с ним. И Алексей Тимофеевич спросил решительно и прямо.

— А кто такой Федорчук?

Клиент не обиделся. Впрочем, Алексей Тимофеевич и не боялся его обидеть. Он сразу определил, что этот, Александр Федорчук — человек не заносчивый, но твёрдо знающий себе цену, такие не обижаются. И действительно клиент улыбнулся добродушно и открыто.

— Извините, я не учёл, что его фамилия здесь

никому не известна. Все кто искал Федорчука и не нашёл не знали его настоящей фамилии. Федорчук — это юго-западный вариант.

Господи, что ещё за юго-западный вариант, — , подумал Алексей Тимофеевич. И взгляд, наверное, сразу его выдал, потому что клиент улыбнулся и сказал.

— Не удивляйтесь, я привык жить среди людей, для которых Федорчук — живая легенда, но здесь, конечно, его никто не знает, И слава богу.

— Так кто же такой Федорчук, — спросил Алексей Тимофеевич, уже охваченный любопытством.

Александр Игнатьевич слегка откинулся на спинку стула.

— Игнат Федорчук был фальшивомонетчиком.

Алексей Тимофеевич слегка приоткрыл рот, а Александр Федорчук, довольный произведенным впечатлением произнёс.

— Он был самым знаменитым фальшивомонетчиком всего так называемого постсоветского пространства, ранее именуемого СССР.

Алексей Тимофеевич ничего не сказал. Он готов был слушать и слушать. Александр Федорчук, по видимому, понял это и продолжал.

— Фальшивомонетчикам всем вместе взятым,

конечно, далеко до правительства этой страны, которую я всё-таки считаю своей, оно могло выпустить фальшивые, то есть ничем не обеспеченные деньги, расплачиваться ими со всем народом, а потом объявить их ничего не стоящими, и при этом ничем не рисковать. Так что по размаху фальшивомонетчикам до правительства далеко. Но уровень интеллекта, конечно, несравним. По этому критерию самый захудалый фальшивомонетчик намного превосходит министра финансов. И это понятно, перед фальшивомонетчиком стояла гораздо более трудная задача — с помощью подручных средств печатать деньги неотличимые от тех, которые выпускает государство. Деньги, которые печатал мой отец, спокойно принимала сберкасса.

Александр Федорчук не поменял позы. Он сидел всё также, прикрывая руками колени, и теперь был похож на мастера, раскрывающего перед учениками секреты ремесла.

— Вначале этим многие люди, дилетанты так сказать занимались, — говорил он. — Печатали червонцы, четвертаки, делал металлические рубли и полтинники. Но всё это были ремесленники. А с семидесятых годов прошлого века за дело взялись интеллектуалы.

Алексей Тимофеевич слушал со всё возрастающим интересом.

— Фальшивомонетчики, — , провозгласил Ферорчук, — это даровитейшие умельцы, гениальные одиночки, захотевшие перехитрить судьбу.

От такого пафоса Алексей Тимофеевич невольно усмехнулся. Заметив его усмешку, Федорчук не обиделся и не удивился. Он просто задал резонный вопрос.

— А Вы кого-нибудь знаете, кому бы платили деньги за мастерство, кто бы за счёт своего умения разбогател в этой стране раньше, да и теперь наверное, тоже.

Алексей Тимофеевич молчал. Разумеется, при желании можно найти какие-нибудь примеры, но это будет явная натяжка.

Александр Федорчук между тем продолжал.

— Знаете, для чего в своё время Стаханова придумали, помните, был такой герой труда.

— Помню, кажется, только его ведь не придумали, он правда был.

— Сам он, конечно, был и, может быть, даже хорошо работал, но не лучше всех, он не выполнил сам 14 или сколько там норм, это было подстроено, это был обман. Всё это производство героев труда и всяческие награждения имели только одну цель — показать людям, что не тот славен, кто мастер, а кто у власти фаворит. Чтобы все знали, что мастерством ничего не достигнешь, нужно только

власти служить.

— Это Ваш отец так говорил?

— Да, и разве он не прав?

Алексей Тимофеевич молчал. Разговор ушёл в сторону и слишком напоминал кухонный трёп. А такие люди как этот Федорчук младший не ходят к психологу просто для того, чтобы выговориться. И, чтобы вернуться к теме, Алексей Тимофеевич сказал:

— И тогда мастер решил восстановить поправленную справедливость и сделать самому себе премию из фальшивых денег.

— Справедливость так не восстановишь, — , сказал Александр Федорчук серьёзно, — ему просто очень нужны были деньги.

— Вот как, а зачем?

— Чтоб жить по человечески, только и всего. Я совсем маленьким был, но помню. Мы жили коммуналке, все в одной комнате. Я с мамой и папой, дедушка с бабушкой и ещё мамин брат.

— Вы это помните?

— Ну, кое — что мне рассказывали, конечно, но я и сам помню, большой такой тёмный коридор, мы там с соседскими детьми в квача играли. Так вот так жить было не возможно, и отец купил небольшой домик на Птичьих склонах. Знаете где это?

— Конечно.

— Я туда ходил, смотрел, этот домик до сих пор стоит.

Рассказ интриговал Алексея Тимофеевича всё больше и больше. Он спросил.

— Ваш отец заплатил за дом фальшивыми деньгами?

— Нет, что Вы, — возмутился Федорчук, — разве можно людей обманывать.

— Нельзя? — спросил Алексей Тимофеевич удивлённо.

— Конечно, нельзя, — подтвердил Федорчук. — Отец долго эти деньги собирал. Он делал червонцы и полу сотенные, что-нибудь на эти деньги в магазине покупал, а сдача — это уже настоящие деньги. Он никогда людей не обманывал. Даже на базар за картошкой с настоящими деньгами ходил.

— А в магазине, что не люди?

— Ну продавцы ведь не отвечают, они ничего не могли заметить, эти деньги принимал даже сбербанк, магазин государственный, а государству так и надо раз не ценят мастеров.

Александр Федорчук судорожно сглотнул и продолжал.

— Мой отец погиб в автокатастрофе, очень глупо погиб. Поэтому я приехал один.

Алексей Тимофеевич решительно ничего не понимал. Всю историю Федорчука он выслушал с

большим интересом, но чего он всё-таки хочет.

— Я, конечно, Вам сочувствую, сказал Алексей Тимофеевич, не зная как направить разговор в более конкретное русло.

Но, быстро взглянув Федорчука, он увидел, что тот готов перейти к делу.

— Я приехал один, — повторил Александр Федорчук, напряжённым звенящим голосом.

И Алексей Тимофеевич понял, что рана от потери отца ещё свежа и продолжает кровоточить. Несмотря на внешнее спокойствие, этому Александру Игнатовичу наверное много пришлось пережить. И чтобы что-то сказать, Алексей Тимофеевич доверительно произнёс.

— Я вас понимаю.

Вряд ли Федорчук обратил внимание на смысл этих слов, но сам по себе звук голоса его ободрил, и он произнёс совсем твёрдо.

— И я должен сам сделать то, что отец хотел сделать с моёй помощью, вернее вместе со мной.

— Что же он хотел сделать?

— Найти клад.

— Клад.

— Да клад, который он сам спрятал, когда уезжал.

— Что же он спрятал, фальшивые советские деньги?

Игнат Федорчук пропустил эту фразу мимо

ушей, и Алексей Тимофеевич почувствовал всю неуместность подобной насмешки. Федорчук немного помолчал и произнёс.

— Он спрятал Николаевские золотые десятки.

— Значит, он покупал царские золотые десятки.

— Не совсем. Эти золотые монеты фальшивые.

— Как фальшивые, но зачем же прятать фальшивые деньги?

— Видите ли, они из настоящего золота, из червонного золота, или как там оно определяется по науке, но напечатаны монеты были уже в наше время. Этим занимались золотых дел мастера... Мой отец купил довольно много таких монет и спрятал здесь.

— Он платил фальшивыми деньгами?

— Нет, что Вы.

Да конечно, золотых дел мастера, которые печатали фальшивые николаевские десятки, из приобретённого нелегальным путём золота, это люди, а людей обманывать нельзя.

— Понятно, людей обманывать нельзя, — пробормотал Алексей Тимофеевич.

— Нельзя, — повторил Федорчук, не обратив никого внимания на иронию.

Алексей Тимофеевич подумал, что отец, очевидно, стоит в сознании Федорчука младшего

настолько высоко, что ему просто не приходит в голову, что кто-то может иронизировать по его поводу. Впрочем, Игнат Федорчук действительно, надо думать, был человеком незаурядным. Алексей Тимофеевич спросил:

— Он надеялся вернуться?

— Да, кроме того, он думал, что этим золотом можем воспользоваться мы с мамой, именно поэтому он сделал такой сложный шифр.

— Шифр?

— Ну да. Милиция шла за ним по пятам. Он говорил, что круг сужался и это просто чудо, что ему удалось ускользнуть.

— Ему кто-то помог, — спросил Алексей Тимофеевич, сам не зная зачем.

— Да, — ответил Федорчук. — Ему помог, как здесь сейчас говорят оборотень в погонах.

— За хорошее вознаграждение?

— Наверное. Отец об этом ничего не говорил. Он сказал, только, что этот самый капитан, знал, что ему за поимку юго-западного варианта не дадут ни звёздочки ни премии, а все заслуги припишут начальству.

— Скажите а почему юго-западный вариант?

Потому что наш город в бывшем Советском Союзе находится на юго-западе. И фальшивые деньги моего отца были впервые обнаружены здесь. Я думаю, этот капитан помог моему отцу не только

из-за денег. Он столько следил за отцом, что наверное понял его и проникся к нему симпатией, он предупредил отца. И когда отца взяли, у него не оказалось ничего подозрительного. Его отпустили, но после этого, ему пришлось исчезнуть. Ему помогли перебраться через финскую границу.

— Значит, Ваш отец фактически должен был покинуть семью?

— Да, и он сделал это раньше, чем уехал за границу. Все последние годы он скрывался.

— И продолжал своё производство денег?

— Разумеется, но те деньги, которые он передавал маме, были настоящие.

— Значит он с Вами не жил?

— Разумеется, он должен был скрываться. Но он находил способы передать деньги, а иногда и появляться дома. Иногда мы с мамой ездили на встречу с ним, куда-нибудь в условленное место, один раз даже целых две недели провели все вместе летом в Крыму, в Ливадии жили.

Картина, которая вырисовывалась перед Алексеем Тимофеевичем, становилась всё интересней и интересней. Он спросил.

— И как Ваша мама воспринимала всё это?

— Плохо воспринимала, сколько я помню, столько она проклинала все эти деньги, она говорила «зачем всё это, жили бы как люди», а отец неизменно отвечал. «Люди так не живут».

— И что было дальше, после того как Ваш отец уехал?

— Ничего, не было, мы жили с мамой, а потом она умерла.

— От чего она умерла, — спросил Алексей Тимофеевич, неожиданно для себя.

— От воспаления лёгких, очень тяжёлого. На птичьих склонах всегда было сыровато. Но, наверное, всё-таки не настолько, чтобы вредить здоровью, я там был, смотрел, дома ремонтируют и новые строят. Это хорошее место, и мама, конечно, умерла не от сырости. Она умерла от тоски, она не любила наш домик. Я ходил на то место, посмотрел на него. Он маленьким сейчас кажется по сравнению с другими, а тогда казался большим и просторным, наверное по сравнению с комнатой в коммуналке. Мама считала, что этот дом погубил нас всех.

— Из-за границы отец поддерживал с Вами связь?

— Нет, это было невозможно. А после смерти мамы меня к нему переправили по чужим документам.

— Кто же Вам помог?

— Какие-то люди, те же самые, что помогли раньше бежать моему отцу они ничего не говорили мне, а отец сказал, что когда сюда приедем, то возможно встретим их. Собственно шифр и

позволяет найти трёх людей, которые могут дать нужные сведения.

— Что всем троим известно местонахождение клада?

— Нет, конечно, им был дан каждому свой шифр, и, если всё сложить вместе, то можно найти клад...

— Но почему Ваш отец не рассказал Вам по проще, как найти клад.

— Зачем? Мы ведь решили ехать вместе, а отец любил всякого рода головоломки. Ему было шестьдесят два года, и он совершенно не обирался умирать. Но этот совершенно неожиданный и глупый случай... теперь я должен искать клад один и разгадать этот шифр.

Алексей Тимофеевич молчал. Дело, конечно, интересное, но разве это по его части, уже зная, что с этим самым Федорчуком младшим, он будет связан всерьёз и надолго, Алексей Тимофеевич спросил.

— Так что же Вы от меня хотите?

— Как что, вы же психолог.

— Ну и что?

— Вы должны решить психологическую проблему, кому мой отец мог оставить зашифрованные сведения.

— И как я могу это узнать.

Федорчук младший достал из внутреннего

кармана листок, аккуратно запаянный в пластик, и положил на стол. Алексей Тимофеевич взял листок в руки и прочитал (II, 4,25–30 / I, 20, 5–8 / II 22,9-18).

Некоторое время он бессмысленно смотрел на строчки, затем поднял глаза на Федорчука и спросил:

— Что это означает?

— Это шифр.

— И что он значит?

— Если бы я знал, то к Вам бы не обращался.

Алексей Тимофеевич задумчиво смотрел на листок. Похоже на строфы и строчки из книги. Но из какой. Глупо браться за это дело и, тем не менее, очень интересно. Что это за книга может быть. Впрочем, можно попробовать догадаться.

— Скажите, спросил Алексей Тимофеевич, — Ваш отец был человек верующий, он ходил в церковь, читал духовные книги.

Федорчук немного подумал.

— Трудно сказать, скорее всего нет, — произнёс он после паузы Он, конечно, ходил там в русскую православную, потому что все ходили и он не хотел выделяться. Думаю, бог у него был в душе, а всякие богослужения...

— Да, да, понятно.

Алексей Тимофеевич задал этот вопрос, для того чтобы попытаться выяснить, не сделан ли

шифр по Библии.

— Скажите, — , продолжал он, Ваш отец увлекался чтением, любил книги.

— Пожалуй нет, — ответил Федорчук младший, после паузы. Он был больше ремесленник, вернее мастер, всю жизнь работал. Но мне он много книг покупал, когда я был маленьким. Помню, в детстве он часто читал мне «Конька-Горбунка». Знаете, дети любят слушать одну и ту же сказку помногу раз. Так вот отца не надо было просить прочитать «Конька-Горбунка» на ночь. «Конёк Горбунок» ему страшно нравился и не надоедал, он готов был читать его мне каждый вечер.

— Понятно, кстати, а чем он там за границей занимался, что-нибудь успел взять с собой.

— Нет, что можно было в такой ситуации взять, да и зачем, всё было с ним. Он замечательный мастер-резчик по дереву. Он начал работать на какой-то фабрике, а к тому времени как я туда приехал, у него уже было своё дело, небольшая фабрика по производству сувениров. Дела неплохо шли у нас всё уникальное.

— Вы помогали отцу на фабрике, а затем она перешла к Вам.

— Ну, отец до самого последнего дня работал, а я всегда был его так сказать, компаньоном. Но я в основном занимался продвижением продукции, а

отец до самого последнего дня разрабатывал модели.

— А сейчас Вы оставили фабрику на управляющего?

— Нет на младшего брата.

— У Вас есть брат?

— Да, ну вернее не совсем, но в общем брат. Видите ли, отец, вскоре после моего приезда женился на одной женщине.

— Вот как.

— Знаете, не то чтобы он так быстро забыл маму, мне кажется он её никогда не забывал, но он не создан был быть несчастным, он хотел жить хорошо и по возможности старался.

— Он женился тоже на эмигрантке? — спросил Алексей Тимофеевич.

— Нет, тогда не так много там было эмигранток, он женился на местной уроженке, у неё был сын, на пять лет младше меня.

— И как Вы это восприняли?

— Нормально воспринял, и мальчик её мне очень понравился, такой был симпатичный, забавный, и болтал без умолку. Думаю я благодаря ему быстро язык выучил. Ну а потом, когда мы пошли в школу, я вполне по нашенский зашёл в нему в класс и сказал авторитетно всей малышне, чтобы моего брата никто не смел обижать. Там это не принято. Но произвело впечатление, мне

почему-то казалось, что он слишком хороший и беззащитный, он, знаете ли, такая художественная натура. Он сейчас разрабатывает большинство наших моделей.

— Понятно, а Ваша мачеха?

— Нет, у родителей наших ничего не получилось, прожили они не долго, года четыре, и тихо без скандалов расстались.

— Из-за чего не знаете?

— Трудно сказать, думаю дело здесь в так называемом менталитете.

— Мы с её сыном тогда уже постарше были и сказали твёрдо «Вы себе как хотите, а мы будем братья». И им пришлось с этим считаться. Мы очень часто встречались, а потом, я ввёл его в дело, и, как оказалось, удачно. Он и раньше много времени с нами проводил. Хотя его мать вышла замуж за своего бывшего, то есть за его отца. Но с родным отцом у него особо доверительных отношений не сложилось.

Алексей Тимофеевич немного помолчал. И зачем он всё это расспрашивает, конечно, нужно постараться больше узнать о клиенте, но в данном случае это просто любопытство. Нужно быстро переходить к делу.

— Итак. Вам нужно, чтобы я помог найти спрятанные фальшивые николаевские десятки.

— Они из настоящего золота.

— Ну понятно.

Алексей Тимофеевич плохо представлял себе, как зацепить это дело и с какой стороны начать. Может быть, клиента не устроит цена и от него можно с чистой совестью избавиться, хотя человек он, что и говорить, интересный. Алексей Тимофеевич выдержал паузу и спросил.

— Вы знаете мои расценки.

Александр Федорчук пожал плечами и сказал.

— Человек, который посоветовал мне к Вам обратиться сказал, что по божески.

Интересное определение цены, подумал Алексей Тимофеевич и поинтересовался.

— По божески — это сколько?

— Понятия не имею, — улыбнулся Федорчук.

А это уж совсем интересно, может быть деньги не имеют для него особого значения, всё-таки он фабрикант. Алексей Тимофеевич немного помолчал и осторожно заметил.

— Понимаете у Вас случай совсем особый, я честно говоря, не знаю как и браться.

— Видите ли, доверительно сказал Федорчук. Величина вознаграждения особого значения не имеет. Дело в том, что свободных денег у меня нет.

— То есть как нет, — удивился Алексей Тимофеевич, — Вы же говорили, что у Вас фабрика.

— Ну и что. Я сказал маленькая фабрика. В

небольшом бизнесе деньги все вложены в дело.

Алексей Тимофеевич был настолько обескуражен, что на некоторое время потерял дар речи. Вот уж воистину «простота хуже воровства».

Александр Федорчук великолепно понял причину его удивления. И размеренно произнёс.

— А Вы думаете, что раз фабрика, то уж денег куры не клюют, в небольшом производстве все деньги обычно вложены в дело, но Вы не волнуйтесь, я понимаю, что задача очень сложная. Я предлагаю Вам половину.

— Половину чего?

— Половину клада, — просто сказал Федорчук, — и замолк, ожидая реакции.

Реакцию действительно трудно было предсказать, Алексей Тимофеевич и сам не знал, как будет реагировать. Половину это, конечно щедро, плохо только, что целого нет и как его достать совершенно неизвестно, да и сколько там вообще есть? Действительно сколько?. И, чтобы потянуть время, Алексей Тимофеевич спросил.

— А сколько там примерно?

Александр Федорчук улыбнулся и ответил.

— Мешок, вот такой.

И развёл руки примерно на пол метра.

— Это много?

— Конечно, это настоящее червонное золото. Оно имеет ценность даже просто как золото, а если

продавать как Николаевские десятки, то можно, конечно выручить дороже.

— Но ведь они фальшивые.

— Мало вероятно, что это кто-нибудь заметит.

А как же насчёт того, что людей обманывать нельзя, хотел спросить Алексей Тимофеевич, но передумал. И вместо этого спросил:

— Вы так точно помните, сколько там было?

— Да я помню, мешок, вот такой.

И Федорчук снова развёл руки.

Алексей Тимофеевич смотрел в окно, с роскошных осенних деревьев медленно облетали листья. Он случайно не сумасшедший. Нет не похоже. Хотя люди с навязчивой идеей во всём остальном обычно вполне разумны и часто производят хорошее впечатление. Впрочем, этот Федорчук ведёт себя вполне адекватно. Чего же лучше загрузить колдуна своей задачей, ничем не рискуя без всяких расходов, найдёт, так найдёт. А, если найдёт и не отдаст? Федорчук похоже об этом не думает. Доверчивый слишком или дурак. Впрочем, ни на то, ни на другое не похоже. Алексей Тимофеевич слегка подался вперёд и спросил.

— И Вы дадите мне все координаты?

Но ведь кроме этой бумажки ничего и нет.

Федорчук немного помолчал и добавил.

— Я, разумеется, буду Вам помогать.

Алексей Тимофеевич посмотрел на магический шар, но ничего не увидел в его глубине. Бегающие по шару блики как будто дразнили его, но не давали никакой информации. Непонятно исходит ли это предложение от человека наивного или наоборот умудрённого жизнью. Впрочем, на наивного человека этот Федорчук никак не похож. Алексей Тимофеевич спросил.

— А Вы не боитесь, что я просто присвою этот клад. Или считаете, что сможете полностью меня контролировать?

— Нет, я как то не подумал об этом, — признался Федорчук. — Но разве у меня есть другой выход? Сам я ничего не соображу это точно. Но думаю, если мы найдём клад. То это большая сумма и нам обоим хватит. Кроме того, Вы не знаете чего от меня можно ожидать и предпочтёте половину суммы и безопасность.

— Думаете я такой... гм осторожный.

— Дело не в этом, — ответил Федорчук, — а в том, что Вы человек имеющий своё дело и увлечённый им, разборки Вам ни к чему, к тому же сумма большая, но не астрономическая, совсем не такая, которая дала бы Вам возможность полностью изменить свою жизнь, и я думаю Вы и не хотите её менять. На воровство большинство людей идут от отчаяния, когда другие пути исчерпаны или человек их не знает.

А этот Федорчук оказывается философ. Впрочем, кому же знать как не ему. «А фальшивомонетчиками тоже становятся от отчаяния» хотел спросить Алексей Тимофеевич, но промолчал, потому, что, в общем, в целом Александр Федорчук был прав.

Конечно, совершенное безумие принимать такой заказ. Но ведь и отказываться нельзя. Слишком интересный человек этот Федорчук, чтобы его взять вот так и отправить.

— Ладно, — , подытожил Алексей Тимофеевич, я подумаю. Оставьте мне Ваш шифр или как он там называется, если появится идея, я Вам позвоню.

Федорчук воспринял такой ответ на удивление мирно. Протянул Алексею Тимофеевичу двойной клетчатый листок и встал.

— Где Вы остановились? — спросил Алексей Тимофеевич.

В гостинице «Интернациональ».

— Запишите свои телефоны.

И пока Федорчук склонившись над столом, записывал для него телефонный номер гостиничного номера и мобильный Алексей Тимофеевич, задумчиво смотрел ему в затылок. С ума нужно сойти, чтобы взять такой заказ, но и отказываться тоже глупо.

Оставшись один, Алексей Тимофеевич

подошёл к окну. Так и есть полил дождь, бесконечный, осенний дождь, вроде бы рановато только начало октября, впрочем, возможно тепло ещё вернётся. Ветер раскачивал деревья за окном и мокрые тяжёлые ветки бились о стёкла. Алексей Тимофеевич молча смотрел в одну точку на стекающие струи. Потом он резко отошёл от окна и тряхнул головой. Сегодня он не станет ничего обдумывать, а просто выбросит Федорчука из головы. С такой задачей нужно переспать, идея придёт к нему утром, а может быть ночью. На сегодня никто не записан. И ждать клиентов до конца рабочего дня нет смысла, в такую чёртову погоду вряд ли кто пойдёт даже к колдуну. Алексей Тимофеевич быстро собрался, запер офис и поехал по делам, которые долго откладывал. Домой он вернулся только к вечеру.

ГЛАВА 2

Жена Алексея Тимофеевича Лёля и приёмная дочка Нина были дома и даже приготовили ужин. Алексей Тимофеевич посчитал это хорошим знаком так как Лёля далеко не всегда помнила об ужине, но за столом он был задумчив и часто отвечал невпопад. Нина имела привычку рассказывать маме события школьной жизни во всех подробностях. Когда-то это казалось очень милым свидетельством

доверия между мамой и дочкой, но со временем, Алексей Тимофеевич стал считать такую привычку утомительной и теперь старался просто не слушать Нинину болтовню. Сейчас она говорила о школьном спектакле какой-то сказке в современном прочтении.

Представляешь мама, — тараторила девочка сейчас сказки многие не знают у них даже дома книжек нет. С этого момента Алексей Тимофеевич слушать перестал и ушёл в свои мысли. И зачем непременно читать и иметь дома сказки? Раньше это считалось обязательным, а теперь, пожалуй, нет или да? Впрочем, нет ничего для всех обязательного? Вот легендарный Игнат Федорчук книг не читал. Только сыну «Конька-Горбунка» читал в детстве. Может, он и себя считал таким горбунком, обхитрившим царя, а в его случае систему.

После ужина Алексей Тимофеевич не пошёл в спальню, а остался сидеть в гостиной. Он слышал, как легла Лёля. Она не спала, а что-то читала в постели, говорила, что книжка на ночь помогает уснуть. Мысли беспорядочно проплывали у него в голове. Непременно нужно съесть чего-нибудь сладкого, но кажется ничего нет. Алексей Тимофеевич зажёл свет на кухне. В полной безнадёжности полез в холодильник. Нет, абсолютно ничего. Что же делать? Не бежать же

магазин. Собственно было не так поздно, да и магазин, торгующий всю ночь находится совсем рядом. Но выходить на улицу не хотелось. Алексей Тимофеевич вскипятил чайник, налил в чашку кипяток, положил пять ложек сахара и ломтик лимона. Такой напиток, мог заменить сладкое, необходимое для мыслительной деятельности. Глотнув из чашки, Алексей Тимофеевич почувствовал пояснение мыслей и вернулся с чашкой в гостиную. Мысли плыли беспорядочным потоком. Он не пытался их остановить, со временем всё сформируется. Итак, на чём он остановился Ах да, конёк-горбунок. Сейчас нужно поймать какую-нибудь мысль. Лучше всего использовать книгу. Какая книга больше всего подходит к данному случаю? Александр Федорчук книг не читал, что не мешало ему водить за нос милицию в течение многих лет. Нет, одну книгу он всё-таки читал с удовольствием. Это Конёк-Горбунок. Вот по этой книге и нужно погадать. Есть ли у них эта книга? Должна быть. Он встал и выглянул в коридор. Из спальни пробивался свет, значит, Лёля ещё не спит. Он зашел в спальню. Лёля лежала на боку и читала. Слегка наклонившись над ней, он спросил:

— У нас есть где-нибудь сказки?

— Какие сказки?

— «Конёк-Горбунок».

— Кажется, есть, тебе срочно сейчас нужно.?

— Да.

Лёля не удивилась и ничего не спросила. Она знала, что его работа требует постоянно чего-то совершенно неожиданного, и всегда готова была помочь, даже если ничего не понимала.

Эту квартиру они купили полтора года назад, когда у него начались приличные заработки, продав его и её квартиры. Это, конечно, на коттедж, но всё же квартира довольно просторная в хорошем районе. С трудом перетерпев ремонт, и отложив покупку новой обстановки до лучших времён они расставили старую мебель по комнатам, кое — что выбросив и заменив. То, чему не нашлось места, запихнули в кладовку. Старые детские книги, которые остались и у него и у неё тоже находились там, сложенные в картонные коробки.

Лёля всегда его понимала и знала, что ему необходимо. Вот и теперь она молча встала и стараясь не шуметь направилась в кладовку. Алексей Тимофеевич предоставил ей возможность действовать. В расположении вещей в кладовке она разбиралась лучше его. Лёля открыла коробку и начала доставать книги одну за другой. Наконец, наконец, подняв облако пыли, она вытащила из ящика большую довольно толстую книгу в ярко жёлтой обложке.

— Вот держи, смотри какая красивая книга

надо бы её лучше сохранять, тогда делали на совесть и картинки какие яркие. Подожди, нужно пыль стереть.

Пока Лёля ходила за тряпкой, Алексей Тимофеевич бездумно смотрел в пространство.

Когда Лёля вытерла с книги пыль, он молча взял книгу и отправился в гостиную. Гадание на книгах, конечно — вещь очень спорная и правильное толкование найти трудно, но понимая всё это, Алексей Тимофеевич часто именно таким гаданием и занимался, и нередко приходил к положительным результатам. Он открыл книгу наугад, по своей системе отсчитал строчки и прочитал

Говорит ему конёк:
«Вот уж есть чему
дивиться!
Тут лежит перо жар
птицы,
Но для счастья
своего
Не бери себе его
Много, много
непокою.
Принесёт оно с
собой».

Алексей Тимофеевич закрыл книгу. И долго смотрел на обложку с изображением Ивана на коньке горбунке. Конечно, данный стих можно расценивать как прямое предостережение, но с другой стороны, если бы Иван послушал конька и не взял бы пера жар птицы. То жизнь его возможно была бы спокойнее, но он никогда бы не стал царём. А конёк, хоть и говорил так, но всё же во всём Ивану помогал. А он сам тоже стремится к большему, хотя иногда это было связано, мягко говоря, с непокоем. Конька горбунка у него, конечно, нет, но он сам поможет себе, вернее ему помогут высшие силы, в которые он верит.

Теперь никаких сомнений нет, он возьмётся за это дело. Конечно, оно принесёт много, много покою, но когда это он стремился к покою. А этот Федорчук — интересная личность. Это здорово познакомиться с человеком, отца которого годами безуспешно ловила вся советская милиция. Интересно познакомиться и с деятельностью честного фальшивомонетчика, сын которого теперь ищет спрятанный отцом клад из фальшивых Николаевских десятков. Алексей Тимофеевич снова открыл книгу и машинально прочёл стих дальше.

Говори ты! Как не
так —
Про себя ворчит

дурак.

И, подняв перо

Жар-птицы

Завернул его в

тряпицы.

Тряпки в шапку

положил

И конька поворотил.

Алексей Тимофеевич закрыл книгу, отнёс в комнату, которая считалась его кабинетом, хотя в нём гораздо чаще работала Лёля, и положил в ящик стола. Теперь можно спать. Алексей Тимофеевич зажёл свет в коридоре, чтобы он немного осветить спальню через открытую дверь и увидел, что Лёля спит. Она лежала на правом боку, закинув вверх, мешавшие ей волосы. Он зашёл в спальню, стараясь не шуметь, разделся, лёг с ней рядом и потушил ночник. Перед тем как заснуть, он мысленно произнёс, Я нахожу какую-нибудь ниточку, хоть маленькую зацепку для решения проблемы Александра Федорчука. Я должен встретить что-то, что подскажет мне, как действовать.

Алексей Тимофеевич потушил свет. На завтра на приём были записаны двое причём один человек на десять утра. Прежде чем уснуть Алексей Тимофеевич дал себе задание проснуться в восемь. Кроме того, к утру у него должна быть идея,

начиная с которой можно выполнить задание Александра Федорчука. Алексей Тимофеевич заснул, твёрдо решив взять перо жар птицы, он засыпал мысленно повторяя стихи, которые всплыли у него в памяти, как воспоминание детства.

За горами, за лесами,
За широкими
морями,
Не на небе — на
земле
Жил старик в одном
селе,
У крестьянина три
сына:
Старший умный был
детина,
Средний сын и так и
сяк,
Младший вовсе был
дурак.

ГЛАВА 3

Алексей Тимофеевич проснулся ровно в восемь с ощущением, что что-то проспал и о чём-то

забыл. Что было вчера? Александр Федорчук и юго-западный вариант. Нет, что-то ещё, что-то не имеющее отношения к работе. Ну, конечно, он совсем заработался. Сегодня день рождения дяди Саши. То есть он, конечно, не забыл и даже подарок давно приготовил. Но вчера вечером точно об этом не помнил. Ну да ладно, на десять записан клиент, это займёт около часа. Потом он заедет за Лёлей и к трём часам как и было велено они будут у дяди Саши.

Дядя Саша был единственным близким родственником Алексея Тимофеевича. Вернее родственники не такие уж дальние у него были, но он их мало знал и с ними не общался. С дядей Сашей он тоже мало общался до последнего времени. Но, когда он затеял авантюру, помогая предпринимателю Егорову, ему пришлось спрятаться у дяди Саши в деревне Двухречная. Тогда дядя Саша показал себя, фактически спас его, застрелив двух бандитов. К счастью это благополучно сошло за самооборону. Кроме того, во дворе дяди Саши стоял флигель, принадлежавший некогда двоюродной прабабке Алексея Тимофеевича ведьме — Секлетее, от которого по уверениям дядя, Алексей Тимофеевич мог унаследовать свой дар. Так ли это было сказать трудно. Но ведьма Секлетеея частенько помогала Алексею Тимофеевичу советами. Хотя вспоминая

её появления среди бела дня, Алексей Тимофеевич сильно сомневался, было ли это на самом деле.

Дядя Саша в молодости считался чудаком. После окончания политехнического института он уехал в деревню и стал жить в оставшемся от родственников доме. Какое-то время бедствовал, но затем раскрутился на славу. Его хозяйство, теперь уже можно сказать ферма, давало немалый доход.

День рождения дядя Саша неукоснительно праздновал каждый год, считая это своего рода хорошей приметой. Правда, большого общества не собирал. А в этом году был особый повод для праздника. Дядя Саша, наконец то решил жениться. Звали его жену Альбина. Про эту женщину дядя Саша в своё время много рассказывал племяннику. Она была врачом кардиологом. Но, то ли больницу закрыли, то ли её сократили, то ли ещё почему то, но дядя Саша увидел её тогда, когда она торговала на базаре яблоками. И по его словам, сразу почувствовал в ней родственную душу. Скорее всего, так оно и было, потому что в скором времени Альбина переехала к дяде Саше в деревню. Свадьбу не устраивали, но жену дядя Саша, конечно, хотел показать людям, и день рождения был весьма подходящим поводом. Поэтому очередной день рождения дяди Саши праздновался немного шире, чем обычно.

Когда Алексей Тимофеевич с Лёлей подъехал,

по размытой дождями дороге к дому дяди Саши, остальные гости, давно сидели за столом и выпили судя по всему уже вполне достаточно, шёл общий и довольно бессвязный разговор. Стол был накрыт по-деревенски под яблоней, несмотря на осенний день. Правда, сегодня после дождя ярко светило солнце и было довольно тепло. Гостей собралось человек десять. Несколько односельчан. Два старых товарища дяди Саши по институту и ещё районный следователь.

Алексей Тимофеевич, имевший хорошую память на лица, сразу его узнал и даже фамилию вспомнил — Клименко. Когда дядя Саша спас его, застрелив двух бандитов, этот самый Клименко вёл дело об убийстве и полностью оправдал действия дяди Саши, квалифицировав их как самооборону. Впрочем, что же ещё это было, как не самооборона. Теперь следователь Клименко восседал за столом напротив дяди Саши. Несмотря на небольшой рост и какую-то общую мелкость, внешность он имел довольно приметную и можно даже сказать симпатичную.

Женщин за столом оказалось только трое. Лёля, жена дяди Саши — Альбина и какая-то незнакомая Алексею Тимофеевичу женщина, очевидно односельчанка. Алексей Тимофеевич приехал на машине, поэтому рассчитывал не пить, но разве это возможно? В этой уже изрядно

подвыпившей компании он чувствовал себя не в своей тарелке. Однако, вскорости неловкость прошла, наверное потому, что он нагнал остальных. Дядя Саша не признавал никаких казённых напитков. На столе стояли разноцветные бутылки самогона. Настоянные на лимонных корочках, на смородиновых листьях на берёзовых почках. На этот раз, правда, были поставлены также две бутылки розового муската для дам.

Многие тосты уже были произнесены. Уже выпили за здоровье виновника торжества, за его жену, за его хозяйство, за всех присутствующих, за хорошую погоду и ещё за многое другое. Но тосты, тем не менее, продолжались, ибо пить без тоста никто не хотел. За столом стоял неумолчный гул, потому что каждому хотелось высказаться. Когда наступила минутная пауза, районный следователь поднялся и провозгласил.

— За юго-западный вариант.

И чокнулся через стол с лукаво улыбающимся дядей Сашей.

Алексей Тимофеевич чуть не подпрыгнул на своём стуле. Он огляделся вокруг. Ни на кого из гостей тост не произвёл особого впечатления, возможно потому, что разговор разделился на отдельные группы и уже никто не слушал друг друга. Только некоторые присоединились к тосту, да и то вряд ли его слышали. Просто рюмки

оказались полными, а значит надо выпить. Но дядя Саша, очевидно, воспринял тост серьёзно. Он даже встал и, перегнувшись через стол, чокнулся со следователем, несколько раз повторив.

— За юго-западный вариант, за юго-западный вариант.

Алексей Тимофеевич сосредоточено возил вилкой по тарелке.

Итак, высшие силы выполнили его задание. Юго-западный вариант упомянут, и дядя Саша, очевидно, как-то связан с ним. В этот раз Алексей Тимофеевич выпил непривычно много. Пробуя самогон из разных бутылок, он просто глушил нетерпение. Неужели всё так просто и само идёт в руки. Это никак не может быть просто совпадением. Юго-западный вариант, такое невозможно придумать. И с каким значением всё это было сказано, и как сразу вскочил дядя Саша. Алексей Тимофеевич едва дождался конца застолья. Когда гости начали расходиться, он подсел к дяде Саше и завёл какой-то незначительный разговор. Дядя Саша отвечал рассеянно, но Алексею Тимофеевичу показалось, что он что-то почувствовал и ждёт от племянника каких-то конкретных вопросов.

Пропустив мимо ушей болтовню племянника, дядя Саша сказал.

Куда ты поедешь в таком состоянии.